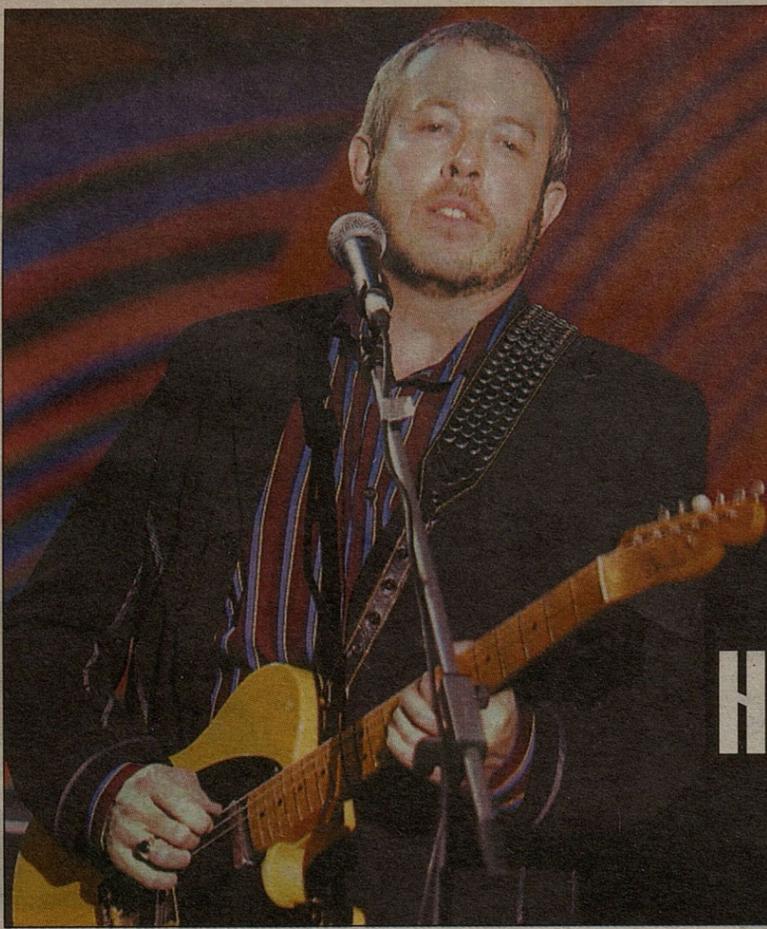

Легендарной отечественной рок-группе «Машина времени» исполняется 35 лет. В честь этой даты 30 мая состоится ее концерт на Красной площади. Музыканты «Машины времени» награждены не только всевозможными лауреатскими и прочими званиями и призами, но и правительственными наградами. География гастролей группы – от Америки до Японии, включая российскую глубинку. Бесслесный же руководитель группы – Андрей Макаревич успевает не только сочинять и исполнять разные хорошие песни, но и рисовать, писать книги, изучать подводный мир и снимать о нем кино, коллекционировать всякие любопытные предметы, а также хозяйничать на телевизионной кухне с аппетитным названием «Смак»... «А приезжайте прямо на репетицию перед концертом, там и поговорим», – предложил Андрей.

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ: ВЛАСТЬ МНЕ НЕ ПОМОГАЕТ, Я ЕЙ ТОЖЕ

ФОТО СЕРГЕЙ ФАДЕЙЧЕВ

– Знаете ли вы сами, в чем причина столь длительного и постоянного успеха вашей группы?

– Мне трудно об этом судить. Просто я пишу и пою о том, что волнует меня. А стало быть, сотни таких же людей. В те времена, когда мы были не в чести у властей, после концерта нередко подходили люди, просили тексты понравившихся песен.

– Собственно, почему вас запрещали? Ведь вы же не призывали к свержению государственной власти?

– Дело в том, что мы были как бы сами по себе, наша группа, мы ни к кому не относились, а потому контролироваться нас было трудно. Тогда же, если вы помните, концертные программы, тексты песен – все утверждалось всякими худ- и прочими советами. Самостоятельность жестоко каралась, как мы тогда говорили, «органами внутренней секреции». А наш протест выражался всем – и нестриженными патлами, и не такими, как надо, песнями, и манерой одеваться. Я был пассивным диссидентом. Я не выходил на Красную площадь с плакатами протеста, не давал интервью «Голосу Америки», но я очень сочувствовал этим людям, очень за них переживал, но сам никаких таких телодвижений не делал. Я писал песни, которые не нравились советской власти. На этом мое диссидентство заканчивалось.

– Не могут нравиться властям такие строки: «Можем всех шоколадкой сладкою/ Одурачить в одно мгновение, /А потом – по мордам лопаткою, /Если будет на то решение...» Понятно, почему вы оказались среди защитников Белого дома. Ну а сейчас вы облаканы властью?

– Да нет.
– Ну а как же правительственные награды – символ уважения, доверия, признательности?

– Приятно было получить их из рук президента, но они давно лежат себе в ящичке, я уж об этом успел забыть. Власть мне не мешает, а я ей. Власть мне не помогает, я ей тоже.

– А в какой помощи вы нуждаетесь, ведь вы вполне успешный сегодня человек?

– Дело в том, что всякая помощь – это реакция на обращение, просьбу. А я просить не могу, не люблю. Думаю, что если бы попросил то, что мне нужно, то получил бы наверняка. Я чувствую, что отношение ко мне хорошее.

– Неужели вам не хотелось бы иметь, скажем, свой театр?

– Ну не театр, а, скажем, школу искусств, потому что у меня есть ощущение, что у нас много одаренных от природы молодых людей. Просто им не дали в свое время точки отсчета, не научили в детстве отличать хорошее от плохого. Поэтому они питаются тем, что звучит, например, на

«Русском радио» или на телевидении, и из этого складывается чудовищный вкус. Я-то думал, ну создали «Фабрику звезд», чтобы молодых людей чему-то научить. А оказывается, на них решили зарабатывать деньги. Я про этих ребят ничего плохого не хочу сказать, но если по телевизору ежедневно показывать тыква, то летом можно ее демонстрировать на стадионах, и публика придет, у нас ведь зритель очень программируемый, особенно с помощью ТВ. Конечно, по-настоящему талантливые ребята есть. Однако чтобы о них узнали, нужен радио- или телеэфир, причем не односторонний. За это большинство каналов или программ берут деньги, те же, что не берут, руководствуются собственными вкусами или так называемыми форматами. Если повезет попасть в формат – хорошо.

– Судя по всему, песня с пикантным названием «Тонкий шрам на любимой попе», которую написал Марк Фрейдкин, из одноименного альбома, выпущенного на студии «Синтез», возглавляемой членом вашей группы Александром Кутиковым, в формат попала?

– Да. Это так. Над альбомом мы работали вместе с Максом Леонидовым, Татьяной Лазаревой, Аленой Свиридовой, Евгением Маргулисом. Для меня это было интересно – исполнять чужие, столь симпатичные песни.
– А что же «Машина времени»? Репертуар ее давно не обновляется.

– «Машина» готовится к юбилейному концерту, который состоится 30 мая на Красной площади. Сюрпризы будут – обещаю. Сразу после концерта мы приступаем к записи нового альбома новых песен. Две уже крутятся на радио, и мы объявили конкурс на лучшее название этого альбома. Уже получаем множество предложений. А по поводу того, что репертуар «Машины» давно не обновляется, скажу, что песни сочиняются, но мы их не стараемся тут же тиражировать, а копим для альбома, выпуск которого происходит с частотой 2,5 – 3 года.

– Вам никогда не хотелось заняться музыкальным бизнесом, открыть свою студию звукозаписи?

– Нет, творчество и бизнес – вещи несовместимые. По крайней мере, для меня. А музыкальный, как вы говорите, бизнес неизменно потребует конъюнктуры, всего того, что связано с понятием «рынок». Мой бизнес лежит совсем в другой области жизни и с творчеством не соприкасается. В творчестве я делаю только то, что хочу.

– А приходилось ли вам когда-либо платить за эфиры?

– Никогда. Я считаю это ниже своего достоинства – платить. За

рубежом происходит обратное – артисту платят за участие в программах. Мы же как в кривом зеркале живем – такая страна...

– Андрей, судя по вашим высказываниям в интервью, вы человек, умеющий обходить острые углы, ограждать себя от всяческих жизненных катаклизмов...

– Это – реакция, поведение любого нормального человека. Хорошо, если такая возможность – оградить себя от всего дурного – имеется.

– Для вас это бильярдный зал клуба «Кино» и ваши необычные увлечения – подводным плаванием, например?

– Клуб «Кино» – действительно один из таких способов, вернее, его бильярдная. Там такая атмосфера, которую я нигде больше не ощущал. И, приходя туда, я точно знаю, кого я там встречу, а главное, знаю, кого не встречу. А еще там хорошие бильярдные столы. Я очень люблю эту игру, было бы больше времени – каждый день бы туда ходил.

– И даже игнорировали бы свидания с представительницами прекрасной половины человечества?

– Отношение мое к женщинам – мужское. Что в нем главное? Это напоминает разговор о том, что в пес-

стрече с акулой спокойно, без истерики. Пожалуй, лишь с белой акулой я бы не стал рисковать, но они водятся лишь в холодных водах Южной Африки и Австралии, а там долго не поплаваешь.

– Ваше увлечение с недавних пор носит прикладной характер?

– Сначала я таскал со дна морского всякие «трофеи», а сейчас, увлекшись подводной съемкой, делаю телепрограмму «Подводный мир Андрея Макаревича»... Не так давно мы вернулись с Багамских островов, так что скоро по Первому каналу вы увидите все, что мы там наснимали. Кстати, вокруг меня там штук 50 акул.

– Мне как-то довелось в одном заморском ресторане пообедать мясом молодой акулы. Оно похоже на куриное.

– Я предпочитаю любоваться живой акулой...

– Андрей, а как родилась телепередача «Смак»?

– Просто мы как-то сидели с Константином Эрнстом у меня на кухне, чем-то там закусьвали и решили, что неплохо было бы придумать такую вот вкусную передачу. Но это не значит, что мы станем на полном серьезе приглашать туда кулинаров.

Я-то думал, ну создали «Фабрику звезд», чтобы молодых людей чему-то научить. А оказывается, на них решили зарабатывать деньги.

не главное – стихи или музыка. Все главное, и тогда какая-нибудь досадная мелочь может испортить все впечатление. Например, облупленные ногти или неприятный тембр голоса...

– Зато под водой – никаких тебе неприятных голосов. Вы ведь с детства увлечены подводным плаванием, а хищных страшных акул считаете существами вполне привлекательными?

– Да они просто красавицы! Впервые я встретился с ними на Красном море много лет назад. Когда местные жители сказали, что акул тут нет уже лет 30, я страшно расстроился. Но, постаравшись, они пригнали-таки хищницу поближе ко мне. Находясь под водой, в полном снаряжении, я так орал от восторга, что, наверное, напугал ее, но счастью моему не было предела.

– А как же тогда художественная литература, кино – все, что касается акул, стало быть, неправда?

– Мы же говорим о точных вещах, а не о художественных произведениях. Из 600 видов акул лишь 2–3 потенциально опасны для человека. Главное – вести себя при

Мы приглашаем людей известных, а кулинария – это просто повод. Передаче уже 10 лет. Чудовищный срок, на самом деле.

– В своей книге с таким смешным названием «Сам овца» вы вспоминаете о том, что ваша мама была человеком занятым, работала в медицине, готовить толком в доме было некогда, и потому еда была всегда полезной, но невкусной. Быть может, отсюда интерес к вашим телевизионным кухонным забавам?

– Отчасти, наверное, хотя вкусно поесть тоже люблю.

– В той же книге вы пишете о своей страсти к коллекционированию всяких интересных вещей...

– Периодически я собираю какие-то вещи, но никак не могу назвать себя коллекционером. Потому что это подразумевает более серьезное, углубленное изучение предмета. Во всех вещах меня интересует прежде всего эстетическая составляющая. Вот, к примеру, мои часы. Это «Омега» 1920 года. Швейцария. В ней меня интересует больше всего, как она нарисована, а не какой у нее тираж и какой торговый дом в Москве ее продавал. Это интересно было коллекционеру.

– Ну а цена вас интересует?

– Как определить цену? У часовщика она одна, на аукционе – другая. Во всяком случае, эти часы дешевле, чем «Франк Мюллер», срисованный с них, выпускающийся сегодня и стоящий раз в 10 дороже. Для меня гораздо важнее, что кто-то носил их 80 лет назад, смотрел на этот прямоугольный циферблат, их механизм четко отсчитывал чью-то жизнь. У меня большая коллекция часов тех времен. Цена их меня меньше всего волнует – она не показатель качества и ценности. У меня дом переполнен хламом. Но это для посторонних – хлам. Для меня же каждая вещь имеет определенное значение. Например, я могу несколько лет собирать этнические музыкальные инструменты, интересоваться ими, использовать в своих музыкальных аранжировках. Постепенно они заполняют всю комнату. И я в какой-то момент останавливаюсь, потому что это бесконечный процесс и дом может превратиться в какую-то лавку антиквара, а это мне не нужно. У меня есть там штук 30 разных африканских барабанчиков – достаточно. Потом начинается что-то другое. Поэтому дом заполнен такими живописными кучками разных предметов. Все они мне нужны, они меня греют, и хотя я постоянно переключаюсь на что-то другое, но от этого отказаться уже не могу, уже не выгонишь их из дома, они здесь живут. Поэтому их становится все больше и больше.

– Этот необычный перстень на вашем мизинце тоже из какой-нибудь «кучки»?

– Нет, это настоящая древняя скифская монетка, опривленная в золото. Мне ее подарили на счастье.

– А что, по-вашему, есть счастье?

– Трудно сказать. Наверное, это то, что невозможно запланировать.

– Андрей, вы все время жалуетесь на нехватку времени. А если представить себе, что вдруг его оказалось очень много. Чему бы вы отдали предпочтение, учитывая ваши разнообразные пристрастия и увлечения?

– Такое даже представить себе невозможно: много свободного времени... «Что меня действительно пугает – так то, что время с каждым днем идет все быстрее. Когда я был маленьким, ...время было воздушное, прозрачное и медленное, как мед... А сейчас время жалосное, потяжелело, потеряло прозрачность, и я уже не вижу через него, что там, впереди. Оно движется мимо меня, как электричка, и скорость ее растет». Так я написал в своей книге. И это действительно так.

Беседовала
Таисия ПОПОВА

Маккаревич Андрей

27.05.2004